

Литературный МАЯК

№ 4
(221)

Выпуск подготовлен при спонсорской поддержке СХПК Комбината Тепличный

СЛОВО РЕДАКТОРУ

*Любезный
читатель,
здравствуй.*

Ну, вот и апрель - самый весенний месяц. В нём ещё и отголоски зимы - снег в лесу, лёд на озёрах и реках, ночные заморозки; но в этом же месяце и ледоход, весенний разлив, почки и первые цветки мать-и-мачехи. В апреле, кажется, вся грязь мира вытаяла из-под снега, но в этом же месяце природа оденется в самую свежую зелень листвы и травы. Самые светлые апрельские надежды-ростки должны за лето созреть и стать и плодом.

И уже готовы выйти в поле трактора, уже готовы крестьяне, по слову поэта, «трудом украсить родину свою»...

Только что в редакцию пришло письмо из села Новленского от Сергея Александровича Маслова, давнего нашего автора. Письмо со стихами, среди которых есть и такое:

АПРЕЛЬ

*Солнце, снег, апрель, капель.
И скворец выводит трель.
Облака и неба синь,
И синичка: дзинь, дзинь, дзинь...*

*Все дороги развезло.
Чинит грач своё гнездо.
Под горой звенит ручей
С каждым часом веселей.*

*На реке ломает лёд,
Скоро будет ледоход.
Рано утром льдинок хруст,
Распустился вербы куст.*

*Гонит ветер снег с полей,
Ели стали зеленей.
Вечерами в тёмный лес
Солнце скатится с небес,*

*Чтобы утром за холмами
Встать пораньше, с петухами.
Нужно за день всех успеть
Обласкать и обогреть.*

*Наступает новый день
Кап, кап, кап*

и дзинь, дзинь, дзень...

Спасибо автору за такое звонкое весеннее стихотворение!

Хорошо бы, чтоб сохранялось такое настроение подольше, чтобы не кончалось оно с апрелем, а сохранялось и дальше, дальше... Чтобы, как написала юная поэтесса из Сокола Ксения Бурак:

*«... разбить оковы,
увидеть мир живой и новый,
услышать звук, дать душу слову...»*

Да, да именно так - дать душу слову! Не должно быть бездушных слов, не может. Особенно весной...

**Дмитрий
ЕРМАКОВ.**

В апреле исполнилось бы 85 лет вологодскому писателю Глебу Михайловичу Текотеву. Он родился 4 апреля 1931 года в деревне Билино Вологодской области, умер 22 декабря 1981 года в городе Соколе. Самым значительным его произведением стал роман «Серафима»...

Артем КУЛЯБИН

Характеры и судьбы

(Глеб Текотев и его герои)

(Печатается в сокращении)

... «Серафима» шла к читателю долго. От первоначального замысла, опубликования некоторых глав в районной газете до выхода отдельной книгой в 1980 году прошёл немало времени. Замысел претерпит существенные изменения. Это понятно: дебютировать объёмным произведением сложно.

В архиве Глеба Текотева хранится немало отзывов и рецензий вологодских писателей на рукопись «Серафимы». В них множество замечаний, критических суждений, касающихся, главным образом, сюжетной линии, структуры произведения, языка героев и даже названия. Многие ставили в вину автору злоупотребление диалектизмами... Василий Белов, отметив, что в «Серафиме» много лишнего и недоработанного, есть романтизм и сентиментальность, всё же нашёл «много прекрасных страниц».

По рукописям, испещрённым карандашными пометками с конкретными замечаниями, можно проследить сложную судьбу «Серафимы». Менялась структура, герои, язык...

Выход «Серафимы» (название осталось прежним) в Северо-Западном книжном издательстве стал заметным событием вологодской литературной жизни. Откликнулись на него и критики, и читатели. Судя по переписке Текотева, шла речь даже об экранизации «Серафимы».

По сюжету действие повести разворачивается в деревне Горка в 1941-44 годах. В центре повествования жизнь колхозников и судьба бригадира-полевода Сима (Серафимы Деменской), которая, будучи обманутой в молодости, не перестаёт верить в человеческую доброту и жить ради односельчан в тяжёлое военное время. Сима выполняет самую тяжёлую работу, практически не думая о себе. В её доме находят приют сирота Санко, о котором она трогательно заботится. В финале повести Сима погибает в огне, спасая загоревшийся скотный двор...

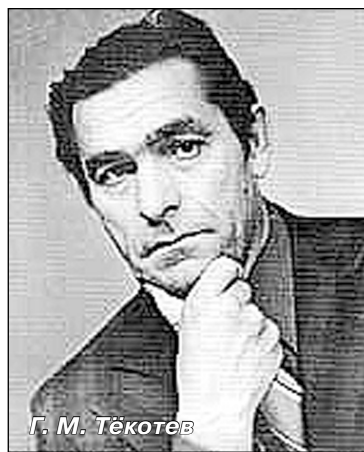
Сельская труженица, ставшая в военное лихолетье главным человеком в колхозе, Серафима хорошо осознаёт свою ответственность перед земляками. А земляки уважают её за принципиальность, бескомпромиссность в хозяйственных и кадровых вопросах...

«Серафима» - пример того, как война поднимает эти взаимоотношения на новый уровень. Здесь, как и в романе Фёдора Абрамова, живут и работают братья и сёстры, объединённые не столько партийно-классовыми, сколько общими духовно-нравственными представлениями о жизни. Без духовного единения путь к этой победе был бы длиннее. Не только взаимовыручка (а её роль огромна), но и умение понять, поддержать в трудной ситуации (сколько идёт похоронок!) помогает выжить в непростое время. Постучалась беда в один дом, а эхом отзывается в другом, третьем. И катится это долгое эхо по России...

Давно развенчан миф о том, что в стране победившего социализма жили атеисты. Были, понятно, и безбожники, однако в большинстве своём люди, особенно сельские жители, не смогли отречься от веры. Текотев, конечно, не подчёркивает их религиозность, но она показана на бытовом уровне: нет дождей - люди отправляются в ближайшую действующую церковь за многовёрст, в деревенских избах сохранились красные углы с иконами и т. д. И читатель знает: герои Текотева не оскудели духовно.

«Серафима» стала первой и последней книгой прозаика. Рукопись повестей и рассказов под общим названием «На низинах», готовившаяся к изданию в московском «Современнике», так и не увидела свет. Но некоторые рассказы были знакомы читателю по публикациям в «Литературной России», «Нашем современнике», многим местным газетам. Произведения эти, как и «Серафима» пробивались на страницы столичных периодических изданий трудно...

Рассказы и повести Текотева остросоциальны, публицистичны. Они охватывают большой круг проблем современности: сельское бездорожье («Петровы кулики»), нравственное здоровье общества («Июминка»), состояние кормовой базы крупного рогатого скота («Пашуны»), вымирание деревни («На низинах»), пьянство («Авдейка и его тётки») и т. д. Прозаик показывает «глухой душевный бунт личности» («Старший брат»), конфликт отцов и детей («Июминка»), кризис семьи («На своём месте»). Но, пожалуй, главный вопрос, на который автор пытается

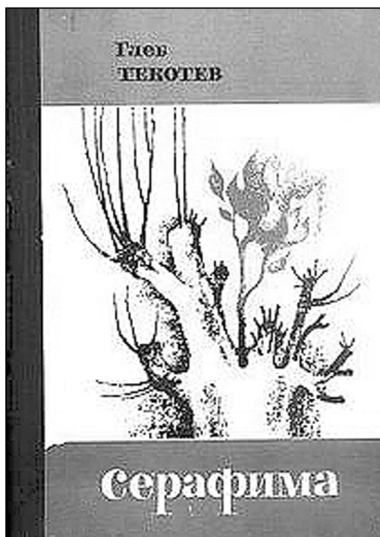
Г. М. Текотев

найти ответ, сформулирован в одном из рассказов: «Откуда у нынешней молодёжи такое неуважение к земле? Да что там к земле, к труду неуважение!» («На своём месте»). Если герои «Серафимы» жили заботой о земле, то послевоенное поколение, отправившись искать счастья в город, уже начало отвыкать от сельского труда, но ещё и не приспособилось к труду заводскому...

Наиболее широкий резонанс вызвал рассказ Текотева «На своём месте» (первоначально - «Развод»). Причина проста: рассказ о современных семейных ценностях был инсценирован известными советскими актёрами и передан по Всесоюзному радио. Текотеву стали приходить письма радиослушателей со всех концов страны. В основном, такие письма содержали благодарности, а замечания, как правило, касались отдельных деталей (например, одной радиослушательнице не понравилось, что отрицательного героя автор назвал красивым именем Люба). Впоследствии на радио состоялась дискуссия по этим письмам с участием автора.

В одном из своих рассказов - «Агафоновы странности» (кстати, этот рассказ в исполнении Юрия Яковлева также прозвучал по Всесоюзному радио) Текотев показывает деревенского «чудака» столяра Агафона Панкратыча. Он, как и Пашуны из одноимённого рассказа, какое-то время жил в городе, но вернулся до дома - тянуло к земле: «В городе-то я жил, дак всё время чувствовал: будто душа усыхает. Меньше становится. А здесь кажин день чую - силой наливаются. Как встану утром-то, да сюда приду, да в окна посмотрю на поля, на речку, на луговины, да на родную поскотину, где каждый пеньёк знаком, где каждый кустик ночевать пустит, так душа-то птахой затрепещет <...> Человек без родины всё равно что пестерь без лямок». Биография Агафона, по советским понятиям, неблагонадёжная: внук диакона, сын кулака... Односельчане считают его чудачком - их удивляют Агафоновы «странности»: в военные годы он взял на себя чужую вину, пожалев многодетных матерей, и попал в заключение, освободившись, приютил двух сирот в своём доме, большую сумму денег отдал в фонд мира...

Глеб Текотев пробовал силы в разных литературных жанрах. В его архиве - стихи, поэмы, басни, песни, очерки, сказки... Долгое время Текотев писал «в стол». От обнародования своих произведений

прозаик отказался после критики одного журналиста, упрекнувшего его в подражательности. «Я на всю жизнь запомнил фразу корреспондента газеты: «Квакать - так квакать по-своему», - вспоминал Текотев в одном из интервью. - С тех пор я ушёл в подполье. Сам для себя был критиком...». А когда пришёл, наконец, к читателю, времени оставалось немного. В целом ряде своих произведений он так и не успел поставить последнюю точку. А многое из того, что успел дописать, так и осталось неопубликованным...

На Вологодчине была хорошая традиция приколачивать на избы ветеранов войны красные звёздочки. Пусть знают земляки: из такого дома кто-то ушёл на фронт. Сейчас в иных заброшенных деревнях эти поблёкшие, но каким-то чудом сохранившиеся звёздочки напоминают запёкшуюся кровь - нет пионеров, которые их подкрашивали. Нет стариков, которые рассказывали о войне. Нет никого...

«Деревенская проза» всегда видела деревенскую драму. И, показывая её без прикрас, не раз сталкивалась с раздражением властей, настороженностью критики и цензоров (вспомним, как непросто складывалась издательская судьба беловских «Канунов»). Но горькая правда о коллективизации была сказана. Сказана о войне, о последующих десятилетиях, о «лихих» 90-х и «пустых нулевых». Что же дальше? Есть ли просвет? Хочется ответить на этот вопрос утвердительно. Хочется верить, что возвращение народа к земле не за горами. Как и возвращение к тому, что всегда отличало русского человека.

Вот что нам говорит вологодский прозаик Глеб Текотев из далёких 70-х: «Я думаю, наш народ разделён какой-то высшей мудростью, которая выражается в терпеливости, простоте, честности и доброте. Ведь чего греха таить: мы зачастую подтягиваем ремешки, чтобы другим жилось лучше. <...> Нередко из-за честности, простоты и терпеливости нашего мужика называют дураком. Нет, не дурак он. Дураки те, кто так думает. Наш мужик трудится во имя великой цели - «чтобы всем жилось хорошо». И в этом есть его высшая мудрость». («На низинах»)

А эта мудрость ещё даст о себе знать. Счастье - жить для своего народа.

В Соколе действует литературный клуб «Озарёнок», занимаются в нём дети разных возрастов, а руководит клубом Нина Павловна Гаврикова. Сегодня познакомимся и с её стихами, и со стихами её воспитанниц, учениц 11 класса Ксении Бурлак и Елены Хлюстовой...

Нина ГАВРИКОВА

ВСТРЕЧАЕМ ВЕСНУ

Февраль прощается, и скоро
Услышим первый шепоток
Ручьёв, бегущих с косоголов,
Стремящихся в один поток.

Остатки снега, что на крыше,
Шурша железом, съедут вниз.
Лишь ночью краткое затишье,
А утром снова гром и свист.

Мороз, раскрасив неба щёки,
Встречает март, скрывает грусть,
Из уст холодных вздох глубокий
Сорвётся: «Может, я вернусь...»

По тонкой кромочке рассвета
Цепочкой крошечных шагов
Весна вступает, часть планеты
Проснётся вновь от зимних снов.

МЕДВЕЖАТА

На поляночке лесной
Под раскидистой сосной
Пляшут дружно медвежата –
Три лохматых бурых брата,
Разминаются без слов
После зимних, сладких снов!

ДОБРЫЕ СОСЕДИ

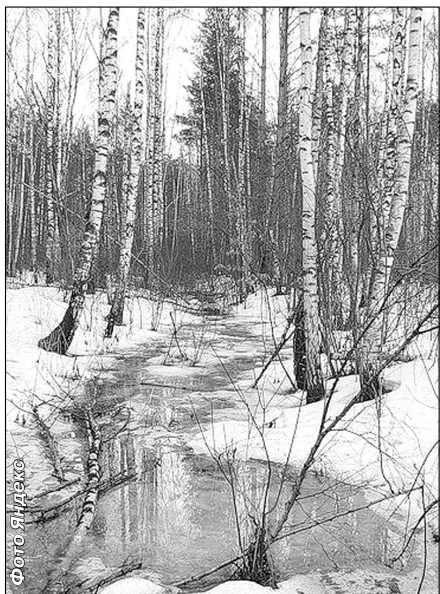
В полдень на лесной опушке
Солнце греет две макушки.
Говорит лисе барсук:
- Хорошо-то как вокруг!

С приближеньем лютоты стужи
Крепкий лёд покрывает лужи.
От мороза и невзгод
Нас нора спасёт! И вход

Есть отдельный. Что ж, дружище,
Будем жить в одном жилище?
Радость вспыхнула в глазах,
И лиса сказала:
- Ах!

Предложение, как награда!

«Озарённые» стихи

Рядом быть, конечно, рада!
Не забуду доброты,
Всех на свете лучше ты!

Елена ХЛЮСТОВА

СНЕЖНЫЕ БУРИ

Снежные бури
останутся в памяти.
Снегом на крышах,
льдом на асфальте.
Талыми каплями льдинок в руке,
Холодом зимним. Слезой на щеке.
В память врезаются снежные бури.
И при высокой температуре,
Даже когда всё цветёт,
солнцем дышит -
Снежные бури
упасть могут свыше.
Снежные бури
в память врезаются,
Вёсны цветущие
льдом покрываются.
Снегом метёт,
даже солнце не светит,
Взрослые плачут, как малые дети.
Если тебе светит солнце с небес,
Если Господь из души не исчез,
Если тебе улыбаются люди,
Будь счастливым весне,
но зима ещё будет.

СКРИПКА - ПРИНЦЕССА МУЗЫКИ

Её величество
сегодня правит бал.
Как грациозны эти
тонкие изгибы.
Лишь избранными
переполнен зал,
Вы тоже оказаться там
могли бы.
Принцесса музыки
прекрасна, словно сон.
В её звучании
сокрыта тайна века.
Как многое
способна подарить
Она душе
простого человека.
В уборе пышном,
исполняя свой сонет,
Любого в веру обратить
свою готова.
И словно в целом мире
жизни нет,

Коль целый день она
не скажет слова.
Я так горжусь,
что ей воспитана была,
И каждый миг,
что провела в её владениях,
Я в мир свой собственный
навеки унесла,
И спрятала
в своих стихотворениях.

МАЯК

Не спорь со мной,
мой гордый друг!
Я буду верить людям.
Ты говоришь, что свет потух,
Что мы светить не будем.
Но, знаешь, я хочу светить!
Сиять хоть слабым светом.
Пусть даже суждено сгореть
За добродетель эту.
И буду я глядеть в глаза
В них не ища обмана.
Ты говоришь, что так нельзя,
Что в сердце будет рана.
Ты говоришь, что мир жесток,
Что вера - ложный путь.
Так почему же мне совсем
Не хочется свернуть?
Я не хочу широких троп
И ровного асфальта.

Я быть желаю янтарём,
А не куском базальта.
Что б невозможно раздавить
Меня в своей ладони.
Но таять солнечным лучом,
Когда никто не тронет.
Ведь невозможно не любить.
Нельзя совсем не верить.
Сама привыкла я спросить:
- Кто постучался в двери?
Я обжигалась, и не раз.
Меня в слезах топили.
Но были те, и есть сейчас,
Кто искренне любили.
А потому, мне нужен свет,
И я нуждаюсь в вере.
Что б нужным людям,
в нужный час
Открыть стальные двери.

Ксения БУРЛАК

ОЖИДАНИЕ

Солнце нежится в лазури.
Словно в сахарной глазури
Все деревья искупали.
Тишина. Блистанье. Пар.
Снег как сахарная пудра.
Что за чудо это утро!
Как бескрайни эти дали!
Писк синиц, воронье «кар!»
Лабрадор, как катер, гордый,
Бороздит сугробы мордой.
Любопытный и серьёзный,
Что-то ищет там, внизу.
Ищет пёс, и кличут стаи...
Я, наверно, понимаю:
Был последний день морозный,
Всё живое ждёт весну!

НЕ БОЮСЬ

Как много страхов -
пропасть, бездна!
И жизнь скучна, безынтересна,
И перспектива тут нелестна:
Усталость и хандра.
А если вдруг разбиты оковы,
Увидеть мир живой и новый,
Услышать звук, дать душу слову,
Не битва жизнь - игра.
И развернуть потёртый парус,
Ведь столько разностей осталось!
Не побоюсь, сумею, справлюсь,
Перечеркну на плюс.
А если буря ветром в ключья

Канаты рвёт,
Свяжу я прочно
Надеждой небольшой мой плот,
Ведь с тучей за руку идёт
Светило. Не боюсь.
Я жажду лиц! Я им открыто
Всё, чем живу в беде, в покое,
Волной пусть чистой
с сердца смоем
Черствеющую грязь.
Так научусь терпеть и верить,
Пригоршней грусть
и беды мерять,
Но кровь бы смыть и рану склеить,
Пока не запекалась.
А парус весь в цветных заплатках,
О взрослых памяти и ребятах,
О близких всех,
родных, понятных,
Чья в парусине нить.
Я не боюсь ни бурь, ни стали,
Ни тех, что за спиной остались,
Ведь сердце без заплат и ссадин
Не научить любить.

Что ж ты смотришь так,
бедный, растерянно?
Где часы, календарь?..
Ай, да брось!

Всё вокруг - переливчато-зелено,
Где-то невдалеке бродит лось.

Друг, идем!
Впереди - неизведанность.
Как же тут устоишь перед ней?
Вот собачье качество -
преданность!
Мне тебя никого нет родней.

Числа здесь и слова
мало значимы,
Чтоб познать и себя, и тайгу.
Так зачем же глаза свои
прячем мы?
Ты другому учишь языку.

Будет ночь,
разольётся чернилами.
Хочешь - ляжем на облако спать.
Я терплю и держусь
всеми силами,
Чтобы лишнего вдруг не сказать.

Будет время.
Нескоро, но сможем мы:
Только взгляды, касанья. Молчи.
Мы посланья,
что звездами сложены,
Прочитаем в черничной ночи.

Продолжаем публикацию материалов краеведа Александра Кузнецова, на этот раз он рассказывает об одном из малоизвестных озёр Вологодского района.

Александр КУЗНЕЦОВ

Позабывтое озеро Чухлома

В Вологодском районе есть несколько небольших озёр, чьи названия известны разве что местным жителям - Соренское, Лепинское, Косовское, Дмитриевское... Но, пожалуй, самым забытым и малоизвестным является озеро с загадочным названием Чухлома, расположенное на севере района. Чтобы добраться до Чухломы, надо ехать по Кирилловскому шоссе до Нефедова, затем повернуть налево в сторону Омогаева, далее добраться до Минина, ну, и если желание путешествовать к тому времени не пропадёт, попробовать пешим ходом пройти до заброшенной деревни Заболотье, стоявшей на вершине высокого холма. От Заболотья ещё пара-тройка километров по лесу и болоту - и вот оно, небольшое озерцо Чухлома!

Название это для Вологодской области уникальное, ничего похожего больше нигде нет. Но вот у наших соседей костромичей есть целый город Чухлома (ударение на первом слоге), районный центр, расположенный на берегу большого Чухломского озера. Напрямую, между вологодской и костромской Чухломами - 220 километров, не такое уж и большое

расстояние для просторов таёжного Севера. Есть ли связь между этими двумя топонимами?

Происхождение названия города Чухлома и Чухломского озера привлекало внимание учёных уже неоднократно. В краеведческой и научной литературе опубликовано несколько версий и толкований данных топонимов. Например, В. А. Никонов в своём «Кратком топонимическом словаре», вышедшем ещё в 1966 году, писал: «Название Чухлома ведёт начало от финского sukeltaa, вепсского suklestadas - «нырять», но не смог объяснить мотивы происхождения этого топонима - почему его называли «Ныряющим». Впоследствии большинство исследователей признали версию В. А. Никонова неудачной. Ряд местных костромских краеведов обратил внимание на то, что в старину Чухломское озеро называли также Чудским озером, а древний народ чудь русские именовали ещё чухонцами, вот, мол, отсюда и произошло название. Правда, в пределах Костромской области до русских проживала больше не чудь, а меря, другой финно-угорский народ. Соседний с Чухломой город Галич в летописях называли Галич Мерский,

там же протекает и река Мера...

Наконец, относительно недавно появилась третья гипотеза. Учёный из Екатеринбурга А. К. Матвеев обнаружил, что в республике Коми неоднократно встречаются такие названия, как Чуклом, Чухла, а по всему Русскому Северу разбросаны микро-топонимы Чугла. Чаще всего такие названия наши предки давали высоким холмам или крутым склонам долин рек и озёр. В языке коми (прежде - зырянском) имеются слова чук - «вершина горы», чуклом - «склон». Но коми-зыряне никогда не жили ни в Костромской области, ни в окрестностях Кубенского озера. Значит, пред-

положил А. К. Матвеев, в древнем мерянском языке могло быть похожее слово чухлом с тем же значением - «гора, холм, крутой склон». В подтверждение своей версии он приводит тот факт, что первоначальным местом города Чухлома было городище на вершине высокого одинокого холма, возвышающегося над Чухломским озером. Позднее жители переселились на южный берег озера, где склон не такой кру-

той и можно было легко спускаться к воде. Озеро издавна славится своими огромными карасями, поэтому большая часть чухломичей всегда жила рыболовством. А вот на старом городище поселился монах Авраамий и основал Свято-Покровский Авраамиево-Городецкий монастырь, чей прекрасный архитектурный ансамбль до сих пор парит над водами Чухломского озера.

Возвращаясь к вологодской Чухломе, надо вспомнить то обстоятельство, что ближайшая к озеру деревня Заболотье тоже была построена на большом холме, откуда открываются далёкие

виды на прикубенские леса. Озеро Чухлома лежит у подножья этого холма, чем и можно мотивировать происхождение его названия. Из озера начинается речка Дорковка, приток Ягрыша, а Заболотье стоит на самом шекснинско-кубенском водоразделе...

В своё время О. Б. Ткаченко, специалист по мерянскому языку, выяснил, что в XI - XII веках меряне начали постепенно заселять территории к северу от Поволжья, вышли в бассейн Сухоны и Кубенского озера. Исходя из этого, можно предположить, что топоним Чухлома является «миграционным», его принесли в нынешний Вологодский район меряне из района костромской Чухломы. Такие переносы названий при миграциях известны и в других местах России. Чем же привлек такой глухой угол мерянских переселенцев? Основу этого народа составляли охотники и рыбаки, для которых леса, болота, реки и озёра были родной стихией. Окрестности озера им понравились, в память о своей прародине меряне дали ему название Чухлома, а сами потом... постепенно «растворились» в русском народе.

Рисунок автора.

Александр Дудкин - краевед, поэт, член Союза российских писателей, член редколлегии альманаха литературно-художественного объединения Кадуйского района «Семизерье» и историко-краеведческого журнала Кадуйского района «Свонец».

* * *

Бабе Тане

1.

Слепая хлопочет молва,
и молвит глухая старуха
о жизни своей, что мертва,
с улыбкой и внятно, и глухо,

с крестьянской сухой правотой
и мудростью безъязыкой...
В советской она, крепостной
деревне в бесправии диком

жила и бесстрастно любила
и небо, и землю - меня.
С ней истина и простота
и старческой немощи сила.

2.

К старухе, как смех или прихоть,
при белой кромешной погоде,
по божьи - бесстрастно и тихо -
последняя вечность приходит.

Приходит, как жизнь её, скудная
блаженная благодать.

Как, Господи, это и трудно,
и радостно осознавать.

* * *

На воле деревья корявы,
на воле растут они вширь.
Под ними культурные травы
и прочий неравный им мир.

Живут они тут беспримерно,
шумят на чужом языке,
не знают деревья, наверно,
совсем ничего о тайге.

Не знают высоких объятий,
над ветром скрипучих побед,
и будет позволено вряд ли
от старости им умереть.

* * *

Злой зимой и жалким летом,
вечером и днём
худобедно в мире этом
мы с тобой живём,

чай по кружкам разливаем,

Александр ДУДКИН**«Деревня глядит на дорогу...»**

(Из деревенских стихов)

водку и вино.
Замечаем глаза краем
в тёмное окно,

как горят ума палата
и сосновый лес,
как хохочет соглядатай -

мелкий-мелкий бес,

как потом вот это пламя
тушат дождь да снег.
Век-младенец в нашем крае
замедляет бег.

* * *

Отцу

Крестьяне копают картошку
и весело жгут на полях
ботву и пекут понемножку
огромные клубни. Но всяк

опять недоволен погодой,
и временем, и бытиём,
собой и своим же народом.
И Бога ругает тайком.

Тайком же и молится Богу.
И любит Россию не вслух.
Деревня глядит на дорогу
глазами наивных старух.

**«ГДЕ ЖЕ ВЫ,
МОИ ГУСИ-ЛЕБЕДИ?...»;**
Тарасевич В., стихи и проза. -
Вологда, 2016.

Вышла из печати новая книга постоянного и давнего автора «Маяка» Виктора Тарасевича. В новой книге, как ранее публиковались произведения (стихи и проза), так и новые.

Вот что пишет в предисловии к книге сам автор о природе творчества: «Почему пишутся стихи? Кратко и точно ответить почти невозможно. Каждый стихотворец ответит по-своему. Стихи возникают тогда, когда испытываешь глубокое чувство от увиденного или услышанного... И какую радость испытываешь, когда стихок опубликуют! Но это в юности, а вот в зрелом возрасте уже сам себе задаёшь вопрос, для чего и для кого пишу?... Ведь существует целый океан русской и мировой литературы...» Но: «не надо печалиться, друзья поэты, нас какие-то тысячи, а читателей миллионы и даже миллиарды. Они найдут нас, и может найдём их мы...»

Об этом чуде и счастье поэзии написал Виктор Михайлович и в стихотворении:

СПАСИТЕЛЬНЫЕ СТРОЧКИ

И заполняют душу строчки,
Без многоточия и точки.
Бывает автора не вспомнишь,
А драгоценный клад пополнишь,

Виктор Тарасевич

**«ГДЕ ЖЕ ВЫ,
МОИ ГУСИ-ЛЕБЕДИ?...»****Книжная полка «Маяка»**

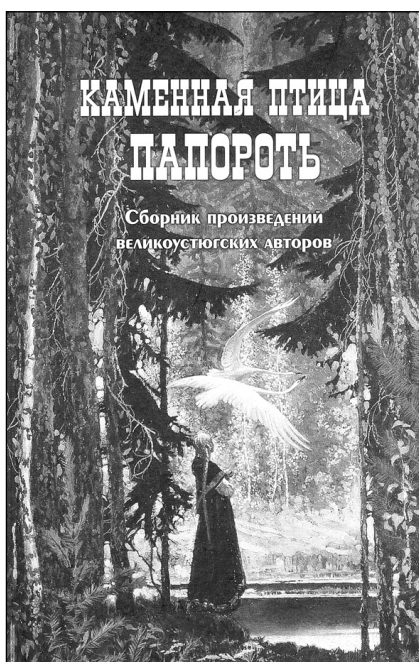
И будет клад тот амулетом,
А в час невзгод бронжилетом.
И для улыбки строчки есть,
И есть для грусти.
Что смог услышать иль прочесть
Поднимет, не опустит!
И чьи-то строчки, не твои,
Твоими стали!
Они о нежности, любви,
О прочности из стали.
Заветов верных и святых
Уж не нарушу.
Спасибо добрый, мудрый стих,
Заполнивший мне душу.

ПОВЕСТЬ - РЕКА**(о повести Любови Даниловой
«Каменная птица папоротъ»)**

В детстве я мечтал стать археологом... Или палеонтологом... И многие мои знакомые, теперь уже взрослые, мечтали в детстве о том же. И сдаётся мне, что это «обычная» мечта едва ли ни каждого нормального мальчишки. И, вряд ли ошибусь, если скажу, что и многих девчонок... Это же так интересно - находить на берегу речки или в куче песка камушки с отпечатком ракушки или листа папоротника. Держишь в руке такой камень и думаешь - сколько же миллионов лет назад эта ракушка была живой?... И отступает время и наступает вечность...

А потом мальчишки и девочки вырастают и в большинстве своём, конечно, не становятся палеонтологами, но мечты детские с некоторыми из них остаются на всю жизнь. Наверное, и автор повести «Каменная птица папоротъ» - Любовь Данилова - из таких девчонок.

Итак - её повесть для тех, кто выросли и не стали палеонтологами. Ещё эта повесть для тех, кто любит приключения и тайны. Ещё - для тех, кому интересно познакомиться с одной из крупнейших рек Русского Севера - Сухоной. Ещё - для тех, кто имеет слух на слово. Для тех, кто любит хорошую литературу...

Конечно, одной детской мечты об экспедициях и находках мало для написания такой повести. Да и повесть не только (и даже не столько) о палеонтологии, хотя и посвящена она «... выдающемуся учёному-палеонтологу Владимиру Прохоровичу Амалицкому и его супруге Анне Петровне - одной из первых женщин-геологов».

Для написания такой повести нужен талант, нужны знания, нужен упорный труд... Всё это сошлось в данном случае.

И получилась повесть, как сама река Сухоны, на которой и происходят события, то спокойная, медлительная, то вдруг стремительная, то подводные камни поджидают, то, после опасного «перебора», снова спокойное течение повести-реки...

Плывут по Сухоне сначала на пароходе, потом на лодке супруги Амалицкие. Владимир ищет «окаменелости», его жена Анна старается во всём помогать мужу, понимать его науку. А вокруг дикая природа (автор мастерски показывает пейзаж), люди - купцы, крестьяне... Мальчишка Санька, может, в будущем продолжателем дела профессора, таинственный Никола

Васильевич Туман - то ли хранитель клада, то ли сам Хозяин реки, тотмичи-гребцы, пассажиры парохода, изгой-разбойник Баляга... Все герои зрими, все говорят своим языком, диалоги в повести естественны. Дialeктизмов много (в том числе и в авторской речи - вот тут, пожалуй, и перебор есть), поэтому весьма уместен и словарь диалектных слов в конце повести...

Кто же главный герой повести? Не Амалицкие, не Санька, никто из других действующих лиц. Главный герой - река, её берега, перекасты... Время, застывшее в известняке в виде «перьев птицы папоротъ».

Видно, что Любовь Данилова серьёзно готовилась к работе над повестью, читала краеведческую и научную литературу, изучала карты...

Я даже, кажется, знаю, какую именно краеведческую литературу читала автор. Недавно я познакомился с работами замечательного краеведа из деревни Усть-Печеньги Тотемского района Вологодской области Александра Кузнецова, и в частности с альманахом «Сухоны», где и опубликованы его статьи. Благодаря содержательным статьям и очеркам Александра Кузнецова, многое в повести Любови Даниловой (названия и описания речек, деревень, «переборов» и т. д.) мне уже было знакомо. И это, по-моему, очень хорошо, что работа краеведа находит своё продолжение в художественном произведении. Впрочем, наверняка, Любовь Данилова читала и других авторов, да и сама, будучи устюжанкой по рождению и месту жительства, знает с детства местные легенды и поверья, которые так органично вплетены ею в ткань повествования.

События повести происходят, видимо, в начале двадцатого века, и оттуда, из более чем столетней давности, в день нынешний направлены слова профессора В. П. Амалицкого: «Вот по-

бывать бы здесь через столетие! Как изменятся эти места! При таком приросте населения, несомненно, вырастут здесь большие города, по берегам Сухоны проложат удобные дороги, реку перекроет система плотин и шлюзов, будет улучшено судоходство...»

Всё это и ныне остаётся мечтой, только, пожалуй, более трудно достижимой. Судоходство на Сухоне загублено, деревни и сёла по берегам запустели, войны и бесконечные реформы давно уже остановили природу населения. Край с богатейшей историей и огромными перспективами отброшен в своём развитии на десятилетия назад.

И всё же верится, что слова профессора Амалицкого сбудутся. И Россия прирастёт не только Сибирью, но и землями Русского Севера, потенциал которых не раскрыт ещё и наполовину...

Вот ведь и ещё о чем заставила задуматься вроде бы приключенческая и «палеонтологическая» повесть Любови Даниловой.

Повесть «Каменная птица папоротъ» обладает и ещё одним очень важным качеством, отличающим хорошую литературу - она зовёт к действию. Так и вижу я мальчишку (не себя ли?) лет двенадцати, который, вслед за героем повести мальчиком Санькой слушает слова профессора и думает: «Оказывается, собирать камни - совсем и не баловство, да и вообще, камни когда-то были живыми... Мало найдено? Знать, редкостней будет находка. Найти, пусть дивятся». И побегит нынешний мальчишка на берег своей речки, и будет искать «живые камни», а потом, может, и поступит учиться «на палеонтолога» и именно на его долю выпадут самые великие открытия...

Повесть Любови Даниловой «Каменная птица папоротъ» опубликована в коллективном сборнике с таким же названием, в котором собраны произведения авторов из Великого Устюга. Я знаю, что пишется и продолжение. Жду. И продолжения, и отдельного издания этой замечательной повести.

Дмитрий ЕРМАКОВ.

Сегодня мы заканчиваем публикацию воспоминаний Павла Васильевича Золотова (1914 - 1988 г. г), уроженца деревни Щекино Вологодского уезда Турундаевской волости. Напомню лишь, что мемуары эти писались в 70-х годах прошлого века. И добавлю, что это далеко не всё, написанное Павлом Золотовым: из деревни судьба увела его в армию, потом на фронт, а потом и бросила в лагеря, обо всём этом он тоже написал. После освобождения он жил и работал в строительных организациях Вологды. Я надеюсь, что полностью воспоминания этого незаурядного человека ещё будут опубликованы, и со своей стороны буду содействовать этому, но это уже будет не газетный «формат» публикации. Особую благодарность выражаю Ольге Павловне Барабановой, живущей в Москве, дочери Павла Васильевича Золотова, за предоставленные материалы.

Д. Е.

Прощай, родная деревня

В декабре 1932 г. мне исполнилось восемнадцать лет. Наступил самый яркий возраст для молодого человека, но у меня этот период был до предела перегружен: составление годового отчета (я был принят в колхоз на должность счетовода), освоение бухгалтерского дела без учебников и без всякой помощи... Всё это отнимало у меня энергию без остатка, ни на что другое её не оставалось.

К весне 1933 года период «адаптации» на должности счетовода закончился. Друзей среди сверстников и более старших парней я не имел, очень уж разнились наши взгляды, потребности и воспитание. Все они по праздникам пили, участвовали в междеревенских драках, на вечеринках только плясали под наигрыш гармошки. Всё это мне было противно, поэтому на праздниках я избегал всякого контакта с ними, на вечеринки не ходил. Я вообще не выпивал, не курил, скандалов и хулиганских поступков не переносил. Стрезвыми в рабочие дни был со всеми в хороших отношениях, трезвыми и они все были хорошими людьми: трудолюбивыми, простыми, большинство честными.

Мои друзьями были подростки, ребята моложе меня на два-три года. С ними организовывали импровизированные игры в разведчиков, делали засады. Иногда такие засады делали на взрослых парней, завязывалась борьба и, если нас было хоть на два человека больше, мы побеждали и взрослых. «Загнуть салазки», набить за рубашку снегу или сена, снять сапоги и спрятать их: всё это делалось без злобы, в шутку. Без всякой договорённости все придерживались этих норм за исключением Васьки Леонова. Он в это время работал в городе, на воскресенье приходил в деревню. И вот он одному подростку разбил зубы и чуть не сломал руку, тот заржал не своим голосом, мы поспешили на помощь. Я крепко проучил Ваську на глазах девушек, а он был на два года старше меня, на голову выше. У меня был излюбленный приём против длинных: делал быстрый отвлекающий взмах руками, молнией цеплялся руками-клещами за пояс, откидывался назад, отрывая ноги противника от земли, одновременно, поворачивая его вниз головой и во время поворота бросал на землю лицом книзу. Так что он не успевал опомниться, как я его голову прижимал к земле. Так повторил раза три, а тут поспели мои «гвардейцы», придавили его к земле, стащили сапоги, штаны; один из них забрал всё и стрелой убежал на горушку. Мы его выпустили и отскочили в сторону. Васька поднялся, рывкнул как дикий зверь, пытался ещё броситься на меня, я его с силой оттолкнул так, что он не устоял, грохнулся. Раздался громкий хохот девчат и моих товарищей...

Больше он по воскресеньям не появлялся в деревне. В одно из таких воскресений, так же забавляясь «разбоем» со своими друзьями, мы напали на две парочки, сидевшие на соломе. Парни и одна девушка убежали, а вторая осталась моей «пленницей». Её кавалером был мой двоюродный брат Вася Чуранов. А её звали Августа Воробьева.

Записки вологжанина

(Окончание. Начало в «Маяке» №№ 53, 65, 75, 85, 91, 100 за 2015 год, №№ 6, 12, 24 за 2016 год)

Когда остались вдвоем, она говорит мне: «Раз прогнал от меня моего кавалера, тогда будь ты моим кавалером». Я впервые оказался с девушкой и не знал, что нужно делать... Не помню о чем, но мы поговорили немного, она попросила проводить её домой, на крыльце дома посидели с полчасика, поболтали ни о чём и разошлись.

Но если я шел «на разбой» без всякого намерения, просто провести время, то уходил от неё с каким-то непонятным чувством, вроде бы и уходить не хотелось. Что-то тронуло меня... Хорошо понимал я, что она мне не пара (старше меня на четыре года), ей пора замуж, а я жениться ещё не думал, в мечтах ещё крепко сидело желание учиться, закончить институт и стать инженером-конструктором самолетов...

Но чувства сильнее разума. На следующее воскресенье, я уже искал встречи с ней. И с каждой встречей меня всё больше и больше тянуло к ней. Но мысль всё время была против: пора кончать, пора кончать, как бы не зашло дело слишком далеко, а тогда моя совесть не позволила бы бросить её, пришлось бы жениться. Так прошло всё лето.

К осени я перестал встречаться с ней. Рассудок победил, я ей прямо сказал, что очень хорошая была бы мне она жена, но мне нельзя жениться, я буду долго ещё учиться. Так мы с нею и расстались.

Зимой её выдали замуж за парня из деревни Невинниково. Парень был немолодой, уже отсидевший в тюрьме за мелкую кражу... До слёз было обидно, что она досталась ему.

Как она прожила жизнь, мне не известно, но всё время я чувствовал какую то вину...

После неё мне никто в нашем колхозе не нравился.

Но меня по-прежнему увлекала работа. Бухгалтерию полностью освоил, она показалась мне очень простой и поэтому перестала интересовать. Делал я всё быстро и старался больше времени проводить в поле. За день, бывало, объегаю все деревни, побываю на всех работах, поговорю со всеми бригадирами, кое-где и сам поработаю; особенно, если выпадала возможность покосить.

Работу в конторе или делал с самого утра, или вечером; сидел за работой не больше четырёх часов, но работал и в выходные, когда никто не мешал и не отвлекал. Колхоз состоял из четырёх деревень, но я не просил помощников для составления отчетов, а все отчеты мои утверждались по первому предъявлению. В правлении и среди бригадиров мой авторитет был большой. Все звали меня не по имени, а просто Золотов.

Летом, по-прежнему, меня окру-

жение бояться срывать. Служба не состоялась в воскресенье. Наконец кто-то ночью часть объявления сорвал, но уже поп исчез, и служба так и не началась.

Облесполком прислал письмо о незаконности закрытия церкви, где предлагалось немедленно открыть церковь, и разъяснялось, что для закрытия церкви нужно собирать подписи большинства граждан нашей стороны.

А мы очень-то и не хотели закрывать церковь; пусть молятся, кто хо-

- Что вы, беспутные, делаете?! Погубите парня! Вы что же, сами стали верить в бога, бесстыдницы?! А ты не делай, не слушай их...

- Не буду, не буду...

А тем тихо на ушко:

- Утром проверьте.

Как договорились, вышел полдвенадцатого, дошел до Глухого ручья. Сначала палкой написал слова, потом лёг посередине ручья в снег, повторил три раза эти слова... На небе ясная луна, я тихонько запел

Павел ЗОЛОТОВ

чет, но она сама закрылась - не нашли попа. Мы с Барановым ожидали получить наказание, но его тоже не было. Это конечно был глупый поступок с нашей стороны.

Зимой я любил по вечерам бывать на посиделках у голенивских старушек, они собирались по пять-шесть человек в доме с плетеным кружев. Я же разыгрывал их богохульством. Они сердились, страшили меня: «Вот, погоди, пошлёт тебе бог кару».

А однажды сказали: «Напорешься, парень, на колдунью, она тебя проучит». Я подзадоривал: «Да нет же колдуний!»

- Ты знал Ваньку Куделина в На-

песню, пошел минут десять, встал и пошел. Чёрту бросил упрек: «И трус же ты, чёрт!» Это мне показалось оригинальным, взял и написал эти слова на снегу.

Дня через два опять пришёл к кружевницам. Все на меня:

- Ну и отчаянный ты, Золотов! Мы знали, ничего с тобой не случится, а вон Анна полночи за тебя молилась.

Я смеялся:

- Да черт-то приходил, я пригласил его побороться, а он испугался и удрал.

- Да ты сам-то хоть не черт?

... Семья наша много убавилась. Умерла бабушка, не жили дома старшие Николай, Дмитрий, сестра Соня. Все учились на рабфаках и в институте. Мой заработок (триста трудовой в год) был большим подспорьем для семьи.

В 1932 году отец купил дом в какой-то деревне за Михалёвым. Мы ходили его размечать и разбирать, весной следующего года перевезли в свою деревню. Причём, перевозили при «помочи». Это, когда крестьянин обращался за помощью, чтобы в один день выполнить какую-либо работу без оплаты, но за это он всех собирал на обед и поил водкой. Водки пили много. Что выгоднее, трудно сказать, но зато быстро. На помочь к нам приезжали из Лоптунова, Кожина, Надеева.

Строил дом сам отец, я помогал выполнять тяжёлые работы: поднимать бревна на сруб и т.п. Нанимали только конопатчика и печника, остальное все делали сами. Дом заселили в тридцать пятом году. Дом получился хороший, большой, но жить в нем не пришлось мне, и отец мало пожил. В тридцать седьмом году он повредил позвоночник: вёз сено из-под реки, воз на косогоре стал опрокидываться, он подставил своё плечо. В больничном ничем не смогли помочь. Последние два года отец лежал, разбитый параличом. Умер в июле 1940 года.

... Шел 1934 год, колхоз набирал силы. Строили конюшни, склады, денежный доход увеличивался, а трудодень несколько потерял в цене, особенно в оплате зерном. На трудодень уже приходилось только по 4,5 кг.

В колхозе мне нравилось, но и мысль об учёбе не покидала.

В конце августа в школу приехала новая молодая учительница, поселилась через стенку от моей конторы. При таком соседстве не представляло труда познакомиться. В начале без всякого намерения, а позднее что-то стало нравиться мне в ней. Нельзя сказать, чтобы она была красива, но мягкий характер и доброта притягивали меня. Постепенно мы подружались. Решили, что по окончании учебного года она будет поступать в пединститут, а я осенью того же года в рабфак. В правлении я заявил, что в августе уеду на учёбу и, по-видимому, навсегда...

жала ватага подростков. Иногда допускали мы и грубые шалости. Например, во время службы в церкви ребята прятались на кладбище за могилами и наводили солнечные зайчики на попа, не давая поднять ему глаз. А как только кто-либо из стариков выходил прогнать их, они как воробы разлетались.

А мне пришла мысль попу вызвать на диспут, как Луначарский когда-то вызывал епископа на диспут. Я ему послал официальное приглашение со штампом колхоза, где спрашивал ответа, согласен ли он. Поп был из дьяков, не имел никакого образования, испугался вызова и исчез навсегда из деревни.

Перед этим мы с партгором Барановым совершили грубое нарушение закона. Сделали мы это из баловства, сами знали, что не имеем никакого права: на большом листе бумаги написали объявление: с такого-то числа служба в церкви запрещается, церковь передается под клуб колхозу. Поставили штамп колхоза и печать, и каракулями подписались. От чьего имени написано объявление, неизвестно. Нас интересовало, кто и как прореагирует на такое безграмотное объявление. Приходим наутро - объявление висит. День висит, второй день висит. Потом узнаем: верующие собирают подписи под жалобой на нас в облесполком, а объ-

дееве?

- Давно не видел, как школу он окончил.

- Так вот, сходи и посмотри. Парень был крепкий и здоровый, и вот почти два года лежит и не встает с постели. А отчего? Обманул девку, а замуж не взял. Мать девки и сходил к колдунье. Вот теперь так и умрёт, не вставая с постели.

- Науськайте эту колдунью на меня!

- Что ты?! Да за что же мы тебя губить будем?!

Я не унимался:

- Да она со мной ничего не сможет сделать! Я её сам так заколкую, что она языка лишится.

Старушки были добрые, вроде бы и сердились, но не злобно...

У нас в Глухом ручье, по сказаниям, черти водятся; домой мне идти, обязательно нужно пересекать этот ручей. Женщины, что помоложе, и говорят:

- Ну, парень, смотри, если действительно ничего не боишься, то вот сегодня от нас выходи полдвенадцатого ночи, иди домой, а посередине Глухого ручья ложись в снег и три раза повтори: «Черт, приди ко мне, я жду!», а для верности и на снегу напиши те же слова.

Тут самые старые стали ругать этих женщин: